

МАССМЕДИА В ПАРАДИГМЕ ГНОСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Е. А. Цуканов

*Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна*

Поступила в редакцию 24 сентября 2018 г.

Аннотация: *статья посвящена поиску оснований для сопоставления двух разноплановых культурно-исторических феноменов – гностицизма и журнализма в контексте трансляции негативной мировоззренческой установки. Автор убежден, что такие качества современных массмедиа как ставка на объективизм, либеральная акцентуация, эоническая структурированность, а также посредническая роль во взаимоотношениях символического верха и низа обусловлены непосредственным влиянием гнозиса на формирование современной медиасистемы.*

Ключевые слова: *журнализм, гностицизм, негативное мироощущение, массмедиа, свобода, одиночество, четвертая власть, антисистема, эскапизм.*

Abstract: *the article is devoted to the search for grounds for comparing two diverse cultural and historical phenomena - Gnosticism and journalism in the context of a negative outlook. The author is convinced that such qualities of the modern mass media as a bet on objectivism, liberal accentuation, aeonic structuring, as well as an intermediary role in the relations between the symbolic top and bottom are due to the direct influence of gnosis on the formation of a modern media system*

Key words: *journalism, gnosticism, negative attitude, media, freedom, loneliness, fourth power, antisystem, escapism.*

«Бывают странные сближенья», – сказал поэт. В заявленной теме исследования нас беспокоит целый комплекс вопросов, которые, впрочем, могут быть сфокусированы в одном-единственном: что может быть общего между журнализмом и гностицизмом? Но отвечать на него необходимо только после того, как определимся с терминологическим аппаратом.

Под гностицизмом обычно принято понимать интеллектуально-мистическую традицию, возникшую в I–II вв. н.э. на Ближнем Востоке как оппозицию христианской ортодоксии. Гностики рисовали мир в мрачных тонах, считая, что он создан ненастоящим божеством и вследствие этого представляет собой ошибку. Исследователи гностицизма И. Г. Яковенко и А. И. Музыкантский, со ссылкой на М. К. Трофимову, очень точно характеризуют миссию враждующего и с миром, и с его создателем человека – освобождение от оков неведения, плоти и вещества (путь особого гнозиса просвещенных), иными словами, самоаннигиляцию [1, с. 126]. Гнозис квалифицируется как познавательная деятельность избранных,

которым было подобрано нарочито благородное имя – пневматики (с греч. πνεύμα – «дух»). Важный нюанс: познание ведется в целях аннигиляции.

Добавим, что христианство враждует с гностицизмом на всём протяжении своего существования, поскольку его рецидивы неоднократно случались как в Средние века (ересь катаров и вальденсов), так и в Новое (каббализм, теософия) и Новейшее время (экзистенциализм, постмодернизм). Поэтому гностицизм скорее следует считать не только специфическим культурным явлением, но и некой психологической возможностью, своего рода деструктивной матрицей сознания или же негативной мировоззренческой установкой, то уходящей, то возникающей вновь в переходные кризисные периоды.

Любая из существовавших когда-либо версий гностицизма содержит в себе целый комплекс страшных обвинений миру и категорический приговор ему, с прилагаемой программой-сценарием принудительной финализации. Скрупулезно разработанная гностическая фантазмагория фатально замыкается на общем неутешительном выводе, что мир – большое недоразумение, и с ним непременно нужно покончить. К счастью, данный явно прокурорский оттенок гностицизма в истории всегда сопровождался эффективными адвокатскими усилиями в оправдании бытия со стороны представителей христианства и других традиционных религий, а также трезвомыслящей части секулярно-светской общественности. Необходимо с удовлетворением констатировать, что, если мир до сих пор еще цел, это значит, что гностическая режиссура не пользуется спросом у широких масс и продвижение идеи ускорения конца света перманентно отторгается.

Понятие «журнализм» зачастую употребляют в качестве синонима слова «журналистика». Как общественный феномен, журналистика представляет собой самостоятельное целостное явление, одну из форм общественного познания, наряду с наукой и искусством, но не сводимое ни к одному из них. Журнализм соотносится с философскими категориями и философией как типом познания. В связи с этим журналистику можно назвать философией сиюминутности, обыденности, актуальной философией, конкретной философией, философией ситуативной реальности. В качестве предмета журналистики выделяется внешний, видимый, земной, конкретный динамичный мир [2, с. 131]. Следовательно, журналистика легко улавливает и усваивает мировоззренческие нюансы эпохи.

Если попытаться коротко ответить на вопрос, когда и при каких обстоятельствах гностицизм оказал непосредственное воздействие на журналистику, то предположительно их встреча состоялась в момент, когда первый уже имел богатейший опыт развития, а вторая только начинала свое становление. Речь идет о XVII–XVIII столетиях. К этому времени гностицизм как конкретно-историческое явление неоднократно в истории цивилизации доводил широкие человеческие массы до крайности тотального отрицания жизни, охватывая богоборческим пафосом само-

уничтожения целые регионы с внушительным населением. Пожалуй, стоит согласиться с Л. Саломоном, который считал, что в полном междоусобной борьбы и народных волнений XVII столетия погибла огромная часть культурных памятников того времени (включая первые печатные издания), многие эволюционные процессы происходившие тогда в печатном деле от нас оказались закрыты навсегда [3, с. 75]. Конкуренция с официальными религиозными и политическими структурами заставляла гностицизм периодически уходить в глухой андеграунд, что не мешало ему выработать весьма стойкий иммунитет на репрессии и найти эффективные средства защиты и нападения. Современные массмедиа, как нам представляется, стали одним из трансляции гностицистского мировоззрения и мироощущения. Это получилось, с одной стороны, за счет фактического совпадения интересов создателей и первых владельцев медиа с интересами носителей гностицистской доктринальности в условиях борьбы энергичного капитализма с дряхлеющим феодализмом на фоне промышленного переворота и научно-технической революции. Здесь уместно было бы вспомнить биографии отцов-основателей европейской журналистики, скажем, знаменитого мятежника и борца за свободу английского народа и медиа эпохи революции 1649 г. Джона Мильтона. Обращает на себя внимание его крайняя раздраженность всем происходящим, выразившаяся в памфлетах, что нельзя объяснить одним лишь фактом абсолютной потери им зрения. И, если не предположить наличия в его мировоззренческом плане (определявшем в том числе и публичное поведение) гностицистских компонентов, практически невозможно будет понять, к примеру, развязанную Мильтоном публицистическую кампанию в защиту разводов. Видимо, журнализм в связке с гностицизмом неминуемо рискует вырождаться в антисистему, которую Л. Н. Гумилев так метко уподобил популяции бактерий в организме, жаждущих его смерти (вакуума) [4, с. 249]. В этом смысле неутомимая озабоченность прессы «очищением» всего и вся посредством предания гласности (как об этом пишет М. Маклюэн) [5, с. 245] может быть распознана как тревожный антисистемный симптом, если не медицинская патология.

По мнению одного из самых авторитетных исследователей гностицизма в современной культуре Э. Фёгелина, гностицизм – «...это любое течение, стремящееся любой ценой построить совершенный мир» [6, с. 54–74]. Исходя из этого, приведем базовые пункты из перечня признаков гностицизма, который стал ядром современности по Э. Фёгелену:

- 1) гностик не удовлетворен существующим порядком вещей;
- 2) страдания объясняются им тем, что мир плохо организован в принципе, но гностик не допускает того, что вина лежит в самом человеке, приписывая ее злу, заключенному в мировом устройстве;
- 3) гностик уверен в том, что спасение человечества от зла возможно;
- 4) отсюда следует его вера в то, что мир может быть изменен в ходе исторического процесса, так что из мира плохого может развиваться мир хороший;
- 5) далее следует еще один важный мыслительный ход: вера в то, что

изменения могут быть достигнуты человеческими усилиями, так что спасение человечества – дело рук самого человека [там же].

Нам представляется, что, если в порядке эксперимента заменить в данном реестре слово «гностики» на слово «журналист», то общего смысла сказанного это не исказит. И, если, как это постулирует Э. Фёгелин, нормальное сознание действительно не бегаёт от противоречивости существования, а принимает его как данность, то ненормальное, наоборот, бунтует, причем бунт этот по самому большому счёту есть мятеж против трансцендентного Бога или эскапизм как крайняя форма солипсизма на почве эгоцентрики. В связи с этим тандем «гностицизм – журнализм» уже не может казаться чем-то за пределами парадоксальным. Бывают и не такие странные сближенья.

Журнализм и гностицизм, несомненно, объединяет эвристическая одержимость, так как оба феномена акцентированы на опыте познания бытия (пневматизм гностиков и маклюэновское расширение сознания всего человечества). Нам представляется, что журнализм – это тоже, в определенном плане, гнозис, т. е. одновременно и источник информации, и ее интерпретатор, и ретранслятор, и метод поиска истины, и способ формирования общей картинки действительности, подчас чрезвычайно пессимистичной. По своему настроению массмедиа с рождения и до сегодняшнего дня весьма критически настроены к окружающему миру, в целом не приемля ни социальное, ни политическое, ни культурное, ни экономическое бытие. Быть всегда в оппозиции к имеющемуся статус-кво – природное качество массмедиа, без которого их невозможно даже помыслить.

Это настроение, на наш взгляд, вытекает из особой нравственно-этической установки служителей медиа (журналистов). Исторически ими был выработан негласный кодекс чести, в пространстве которого почетное первое место среди охраняемых журналистикой и продвигаемых в медиадискурсе ценностей занимает «ее величество» объективность. Думается, что абсолютное большинство членов медиасообщества поддержало бы тезис Е. Л. Вартановой о том, что журналисты «должны максимально объективно отражать действительность, а не порождать оценки или идеи» [7, с. 26]. Если рассуждать непредвзято, объективность представляет собой аксиологического двойника равнодушного скепсиса к состоянию вещей этого мира, что было свойственно и классическим гностикам. Ставка на объективность – скрытый признак безучастности, а фактически – безразличия работников медиасферы к окружающим их в мире процессам. Мы убеждены, что быть объективным – значит быть отстраненным от проблемы настолько, чтобы никто потом не решился обвинить журналиста в ангажированности и подозрительной заинтересованности. Журналистский активизм, как это парадоксально ни прозвучит, лежит по ту сторону добра и зла (в топике, предложенной Ф. Ницше, также поддавшимся обаянию гностицизма). Здесь символ веры не позволяет быть включенным в борьбу, но, наоборот, приветствуется блаженное состояние «над схваткой». Из этой полупозиции логиче-

ски вытекает, что жизнь априори должна считаться чем-то недоброкачественным, достойным профессионального сожаления и насильственной трансформации. И действительно, журналисты подчас довольно скептически настроены к тому, что составляет ткань бытия, предпочитая бунт и мятеж спокойной и конструктивной работе. Кстати, указанная маргинальная полупозиция при пристальном взглядывании оказывается чрезвычайно неудобным положением, метафорически обозначенным формулой «ни вашим, ни нашим». Двойственность психотипа медийщика – не случайное качество, а естественное свойство, произрастающее, как нам кажется, из гностического отношения к реальности, которая категорически тебя не устраивает. Подмечено, что многие журналисты, выполняя функции медиатора между элитами и народом, с одинаковой силой презирают как народ, так и элиты своей страны. Народ по факту безвозвратного выхода из его недр, а элиты – из мщенья за невозможность интегрирования в их среду. Чуждость и бездомность культивирует в медийщике чувство тревоги и заброшенности, которые и составляют подлинную суть его мироощущения. Он лишний на празднике жизни, как были лишними древние гностики, стремившиеся из-за этого к искусственной финализации истории.

И, наконец, еще один взаимоинтегрирующий момент. Обе сравниваемые нами стихии – гностицизма и журнализма – погружены как в некую материнскую субстанцию в особое состояние жажды беспредельного раскрепощения. Данное утверждение можно подкрепить словами классика современной отечественной журналистской теории Е. П. Прохорова: «...проблема свободы печати и журналистской деятельности, – пишет он, – является одной из важнейших как в теоретическом, так и в практическом плане. Стремление к свободе – неотъемлемое право каждого журналиста...» [8, с. 150]. И всё это «...во имя такого формирования массового сознания, которое будет содействовать совершенствованию человека и человечества» [там же].

Тема свободы, несомненно, роднит разбираемые здесь явления. И, если в журналистике она стандартно выражается в либертарианских принципах непринужденной раскованности слова и плюрализма мнений, отстаивая которые, журналистика реализует изначально заложенную в нее природой миссию, то с гностицизмом дело обстоит несколько сложнее [9, с. 53]. М. К. Трофимова, давая пространную цитату из А. Ш. Пюэша, выявляет очень важную деталь: избавительный пафос гностической идеологии коренится на паническом чувстве шока и трепета перед сложными перипетиями жизни. В частности, говорится: «Как и весь гностицизм, манихейство родилось из страха, сопровождающего существование человека в мире. Положение, в котором он оказывается, рассматривается как странное, невыносимое, в корне дурное. Он ощущает себя поработанным телом, временем и миром, причастным злу, которое постоянно угрожает или оскверняет его. Отсюда – необходимость освободиться... Свобода и полная чистота – это в моем бытии, в моем подлинном существовании. Я поистине выше действительной

жизни и чужд этому телу, этому времени и этому миру» [10, с. 23]. Чрезвычайно, на наш взгляд, тонкое наблюдение, дающее возможность по-новому взглянуть и на журналистику. Ведь, если действительно гностическое мировоззрение эпохи оказало влияние на ее императивы, то и либеральная ее страсть может быть распознана именно как страсть, т. е. известная примесь страха к ее базовой мотивации. Выходом из этого неприятного тревожного состояния духа может считаться элементарный малодушествующий эскапизм. Другой путь – это вечная и не имеющая перспектив борьба с неискоренимой в принципе коррупцией как ржавчиной бытия. Ложная цель такой навязчивой борьбы – патологическая идеальная чистота, маниакальный объект желаний средневековых гностиков – катаров.

Теперь сопоставим элементы гностического мировоззрения с медиатеорией и теорией журналистики. М. Маклюэн, один из наиболее авторитетных медиатеоретиков, в своей излюбленной эксцентричной манере определяет функции печатных медиа следующим образом: «Те, кто жалеет о фривольности прессы и ее естественной привычке выставлять группу напоказ и промывать кости, просто игнорируют природу этого средства коммуникации и требуют, чтобы она была книгой...» [5, с. 234]. «Как много людей, – продолжает он далее разговор о медиа в целом, – вообще ничего не смыслящих в форме средств коммуникации, разглагольствовали, подобно Ньютону Миноу (бывшему главе федеральной комиссии по коммуникациям), о Бесплодной земле массмедиа! Они воображают, что более честный тон и более строгая тематика непременно поднимут уровень книги, прессы, кино и телевидения. Они неправы до смешного» [там же, с. 237]. Далее процитируем эмоционально напоминающие гностический нигилизм рассуждения канадского теоретика о специфике медиаконтента: «Ради интенсивности и читательского участия газета непременно должна содержать в себе плохие новости. Настоящие новости, как уже отмечалось, – это плохие новости. С тех пор, как появилась печать, это может подтвердить любая газета. Наводнения, пожары, другие общие катастрофы на суше, на море и в небесах превосходят в качестве новостей любую разновидность частного ужаса или злодейства» [там же, с. 238]. Не боясь показаться циничным, автор откровенно заявляет: «Опять же, книжно-ориентированный человек неправильно понимает коллективную мозаичную форму прессы, когда жалуется на ее нескончаемые сообщения об изнаночной стороне общества. Как книге, так и прессе самой их формой назначено трудиться над извлечением наружу внутренней тайной истории, и при этом неважно, дарит ли Монтень частному читателю тонкие очертания своей души или Херст с Уитменом обрушивают свои варварские крики на крыши мира» [там же, с. 239].

Итак, в общих чертах резюме приведенных пассажей из М. Маклюэна может звучать следующим образом: это нормально, что земля массмедиа бесплодна. Иными словами, безблагодатность массмедиа в порядке

вещей, что делает их, на наш взгляд, родственной гностицизму реально-стью. Сопутствующий вывод: массмедиа якобы имеют презумпцию презрительного поношения падшего мира, реализуя этим свою природную функцию критики как формы отрицания. Но ведь в корне понятия отрицания заложено стремление к уничтожению как превращению Нечто в Ничто. Об этом стоит помнить.

Приведем мнение еще одного маэстро в сфере практической журналистики, который давно подтвердил свою репутацию многолетним заслуженным присутствием в сетке вещания центральных медиаканалов, президента Академии российского телевидения В. Познера. По Владимиру Познеру, идеальная модель журналистики описана в рассказе М. Твена «Журналистика в Теннесси», где редактор газеты называет своих подписчиков и коллег по цеху скотами, мизантропически шельмует власти и бизнес, конфликтует со всеми, стихийно порождая скандалы ради скандалов. Приведем отрывок из поучающей речи главного героя о том, как надо писать, в контексте оригинально понимаемой им миссии журналистики: «Высокая миссия журналиста, – говорит он, – заключается в том, чтобы сеять правду, искоренять заблуждения, воспитывать, очищать и повышать тон общественной морали и нравов, стараться, чтобы люди становились более кроткими, более добродетельными, более милосердными, чтобы они становились во всех отношениях лучше, добродетельнее и счастливее» [11]. И поэтому писать надо приблизительно в таком ключе: «Закоренелые лгуны из “Еженедельного Землетрясения” опять, по-видимому, стараются втереть очки нашему рыцарски-благородному народу, распуская подлую и грубую ложь относительно величайшего предприятия девятнадцатого века – Баллигэкской железной дороги. Мысль, будто бы Баззардвилл намереваются обойти стороной, зародилась в их собственных заплесневелых мозгах, вернее – в той каше, которая заменяет им мозг. Пусть лучше возьмут свои слова обратно и подавятся ими, если хотят спасти свою подлую шкуру от плетки, которую они вполне заслужили» [там же]. Подобный ригористический тон необходимо рождает (по тексту) ответную разрушительную реакцию объектов ругани, которые аллегорически громят фирму медиакрата-обидчика, обращая всё вокруг в разверзшийся бесформенный хаос: «Началась такая свалка и резня, каких не в состоянии описать человеческое перо, хотя бы оно было и стальное. Люди стреляли, кололи, рубили, взрывали, выбрасывали друг друга из окна. Пронесся буйный вихрь кошунственной брани, блеснули беспорядочные вспышки воинственного танца – и всё кончилось. Через пять минут наступила тишина, и мы остались вдвоём с истекающим кровью редактором, обзревая поле битвы, усеянное кровавыми останками» [там же]. Конечно же, это художественное преувеличение писателя, но в то же время и намек, требующий дешифровки.

Очевидно, что отрывок из произведения, приветствуемого В. Познером, мало чем отличается по духу от минорных человеконенавистнических интенций гностиков, хотя, конечно, необходимо делать поправку на

твеновские иронию и гротеск, ведь М. Твен здесь, бесспорно, высмеивает журнализм, который занят бичеванием жизни самой по себе.

Если верить легенде, то однажды Л. Толстой обратился к М. Горькому: «Вы почему не веруете в Бога? – Веры нет, Лев Николаевич. – Это неправда. Вы по натуре верующий, и без Бога вам нельзя. Это вы скоро почувствуете. А не веруете вы из упрямства, от обиды: не так создан мир, как вам надо» [6, с. 54–74]. К сожалению, кадровый состав работников массмедиа зачастую подбирается на основании особого (приблизительно как у Горького) отношения кандидатов на занимаемые редакционные должности к миру. По принципу «упрям или обижен» на государство, общество, армию, церковь, соседей, школьную учительницу, родителей, лично президента. Как будто работает некая негласная матрица, диктующая единственное условие соискателю журналистского поприща: «если мир не устраивает, так и добро пожаловать в средства массовой информации». Именно поэтому особенно в современных массмедиа велика концентрация опозиционеров и мятежников, потенциальных поджигателей войн и революций, что логично в силу особой (институционально-орденской) выделенности этого отряда неудовлетворенных миром. В этом гностическом свете, наравне с В. Познером, небезынтересным было бы разобрать творчество таких одиозных медиаперсон, как А. Венедиктов, А. Смирнова, Ю. Латынина, А. Невзоров, Г. Тимченко, В. Уткин, чей нездоровый активизм часто путают с харизматичностью и особым даром равнодушия, тогда как на самом деле в наличии тут один закамуфлированный под благородство ядовитый скепсис. Любопытно, что В. В. Познер открыто позиционирует себя в образе мыслителя-экзистенциалиста, что весьма показательно, так как экзистенциализм как философское направление в свое время, как мы знаем, стал идейным восприимчиком темного гностического эсхатологизма [10, с. 23].

Нельзя не согласиться с тем фактом, что гностицизм одновременно есть и метаисторический феномен, и «универсальное мировосприятие» [12], преодолевающее временные границы в силу того, что он действительно касается самых больших вопросов нашего существования. В то время как сам гнозис, понимаемый как особое «религиозно-мистическое знание», базируемое на вербальной магии и иррациональных состояниях, имея сотериологическое звучание, по истине, представляет собой вечную «психологическую возможность» [10, с. 25]. Отсюда рецидивные вспышки гностицизма в Средние века и в Эпоху Возрождения, а также мода на гностицизм в Новое и Новейшее время, иллюстрацией чему может служить повальное увлечение им среди деятелей русского Серебряного века [13, с. 97–104] или же мрачных философов послевоенной Франции – А. Камю и Ж.-П. Сартра. По мысли некоторых исследователей, гностицизм сегодня проник в толщу всей современной культуры, прямо или косвенно влияя на литературоведение, лингвистику, физику, пути психоанализа, а также на медиатеорию и журналистику. Это не может не вызывать опасений.

В заключение хотелось бы зафиксировать итоговую мысль: современный гностик есть идеальный медиарботник, и, наоборот, любой служитель медиа есть в той или иной степени гностик. Это косвенно обосновывается напряженными размышлениями Е. П. Прохорова о сути журналистской профессии: «Для журналиста, – констатирует он, – простор для подлинной свободной деятельности (не жестко запрограммированной необходимостью, но и не произвольной, отмечающей необходимость) открывается в творческом использовании знания законов действительности для понимания и оценки ее явлений, выработки способов действия для достижения идеалов «истины, добра и справедливости» [8, с. 154]. И далее: «Чем большими знаниями и способностями обладает журналист, чем выше его креативные возможности, чем более развита интуиция, тем свободнее он в своей деятельности и тем больше его возможности в реализации функций журналистики» [там же, с. 155]. И уж совсем по-гностически звучит обобщающее всё сказанное фраза: «Хороший журналист всегда в той или иной мере энциклопедически ориентирован в действительности» [там же, с. 154]. Однако именно поэтому журналист (как и гностик) выглядит фигурой крайне трагической. Ведь, с одной стороны, истина действительно делает нас свободными, с другой же – непреложно правило «во многая знания многая печали». Стремление шагнуть в запредельное, выйдя за те границы, которые отведены человеку не милостивой к нему судьбой – качество, очевидно, делающее гностицизм и журнализм подобными друг другу, но именно оно отчетливо порождает риски, связанные с угасанием второй древнейшей.

Литература

1. Яковенко И. Г. Манихейство и гностицизм : культурные коды русской цивилизации / И. Г. Яковенко, А. И. Музыкантский. – М., 2010.
2. Ким М. Н. Основы теории журналистики : учеб. пособие : стандарт третьего поколения : для бакалавров / М. Н. Ким. – СПб. : Питер, 2013. – 288 с.
3. Саломон Л. Всеобщая история прессы / Л. Саломон // История печати : антология. – М., 2002. – Т. I.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера : история людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2008. – 575 с.
5. Маклюэн М. Понимание Медиа : внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
6. Авгурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. Авгурский // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 54–74.
7. Вартанова Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Л. Вартанова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2011.
8. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. для студентов вузов / Е. П. Прохоров. – М., 2011.
9. Корконосенко С. Г. Основы журналистики : учеб. для вузов / С. Г. Корконосенко. – М., 2001.

10. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма / М. К. Трофимова. – М., 1979.

11. Твен М. Журналистика в Теннесси / М. Твен. – Режим доступа: http://smartfiction.ru/prose/journalism_in_tennessee/

12. Торчинов Е. Вступительное слово / Е. Торчинов // Йонас Г. Гностицизм. – СПб. : Лань, 1998. – 382 с.

13. Цуканов Е. А. Предтечи теории медиа в отечественной интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX веков / Е. А. Цуканов // Знак : проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 1. – С. 97–104.

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

E-mail: tsukanov@rambler.ru

Тел.: 8(900) 654-14-86

Higher School of Printing and Media Technology of the St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

Tsukanov E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Journalism and Media Technologies Department

E-mail: tsukanov@rambler.ru

Tel.: 8(900) 654-14-86